

Цзян Най znovu видел сон, и люди в нем шли куда-то бесконечным потоком.

Словно он в одиночестве стоял на оживленном перекрестке: размытые лица, теснящиеся вокруг тела, у каждого — заранее определенный маршрут, а ты ко всему этому совершенно слеп и глух.

Сцена внезапно сменилась, двери в сновидении распахивались одна за другой, будто он смотрел фильм, сотканный из иллюзий. Он изо всех сил старался запомнить детали, но, проснувшись, понял, что всё было напрасно.

Цзян Най приподнялся на локтях, наощупь отыскал телефон на тумбочке и, включив его, обнаружил, что едва перевалило за пять часов утра.

Утреннее солнце пробивалось сквозь щель в занавесках, освещая комнату.

Оба малыша сладко спали рядом, их пухлые щечки прижались к подушкам, а маленькие тельца мерцали в такт дыханию.

Вчера, после вечернего купания, оба крохи пытались энергией, катались по постели, завернувшись в одеяла, и со смехом требовали, чтобы папа рассказал сказку.

Хотя он уже много лет не рассказывал сказок на ночь, в конце концов, он столько лет был заботливым старшим братом в детском доме, так что удовлетворить эту маленькую детскую просьбу ему было вполне по силам.

При тусклом свете, проникавшем в комнату, Цзян Най уставился на спящие лица детей, застыв с расфокусированным взглядом и совершенно пустой головой.

Ладно, пойду-ка приготовлю завтрак.

Муку средней силы он смешал со свиным жиром, вымесив гладкое, эластичное тесто — то есть масляное тесто для основы, а затем из муки слабого помола и жира приготовил начинку-крошку.

Теплый желтоватый свет коридорных светильников падал на светло-бежевый пол, отражаясь мягким сиянием, и он на мгновение засмотрелся.

Он достал найденную вчера в холодильнике пасту из красной фасоли, скатал ее в шарики для начинки. Обернув масляное тесто основой, он дал ему немного отдохнуть, а затем наполнил красной фасолью.

Цзян Най не использовал никаких формочек: тесто прямо у него в руках распустилось цветком.

Поклонники в фандоме страстно ликовали, но среди радостных возгласов затесались и догадки насчет того, что кто-то перехватил рекламный контракт у старшего коллеги, причем тон был вовсе не дружелюбным.

Прошлое стояло перед глазами, странным образом переключаясь с этой новостью в телефоне: он и подумать не мог, что тот человек действительно станет обладателем кинопремии.

Хотя раньше он не особо интересовался шоу-бизнесом, среди его знакомых всегда находились те, кто увлекался кумирами, и от постоянных разговоров у него самого отложилось в памяти кое-что.

Кто-то вечно твердил: хоть он сейчас и малоизвестный актер, я верю, что в будущем он обязательно станет великим киноактером.

Было чуть больше пяти часов утра, на вилле царила абсолютная тишина.

— Ой, господин Цзян, вы так рано проснулись?

Время было и правда раннее, но даже целого противца пирожных «Цветок груши» оказалось бы достаточно. Цзян Най налил себе стакан воды и, сев на диван, принялся медленно пить.

Официальное объявление сделали вчера в восемь вечера, и вот теперь, в пять утра, в комментариях в реальном времени всё еще кипела жизнь — пользователи оживленно переругивались и обсуждали новость.

Чжоу-цзай внезапно воротился со сна, стянув с брата одеяло, и этим разбудил папу, у которого в голове с самого утра было сплошное варево. Цзян Най подоткнул одеяла малышам, повернулся, встал с постели и обулся.

Он взял умывальные принадлежности и направился на первый этаж. Холодная вода, хлестнувшая по лицу и смывшая пенку для умывания, помогла наконец окончательно проснуться.

Продолжительность жизни сократилась на четыре года просто так — кому пойдешь жаловаться?

Когда вода в стакане кончилась, он еще немного посидел на диване, просматривая новости, и случайно наткнулся на официальное объявление о том, что популярный молодой айдол Линь Чэнь стал лицом новой линии предметов роскоши, выпущенной старинным ювелирным брендом.

Его взгляд упал на коридор второго этажа, где виднелась наполовину прикрытая дверь — судя по всему, спальня Фэн Чэньяня.

Утренний ветерок проникал сквозь полуоткрытое окно, принося с собой слабый аромат цветов, а стоило поднять голову, как открывалось цветущее грушевое дерево, похожее на картину тушью.

Он вспомнил одну младшую сокурсницу, которая в обмен на пачку собственноручно приготовленной острой говядины попросила аккаунт кухни общежития, чтобы проголосовать за своего кумира.

Цзян Най мысленно вздохнул: время действительно утекло.

Утренники и прочие трапезы всегда оставались заботой няни, тети Лю. Она вошла на кухню, сладко зевая, и едва не подскочила, заметив хлопчущего молодого человека.

Хозяин дома встал с рассветом, чтобы готовить — куда это годится? Разве не получается, что выплачиваемая ей зарплата улетает на ветер?

— Господин Цзян, давайте я присмотрю за огнем, а вы ступайте отдохните?

Цзян Най покачал головой:

— Проснулся рано, да и делать все равно нечего.

Посмотрев на ряды аккуратно разложенных пирожных «Цветок груши», тетя Лю с изумлением в голосе произнесла:

— Какая тонкая работа! Дома ведь вроде бы нет формочек, неужели вы их вручную слепили?

— Угу.

То, что хозяин оказался работающим, полбеда, но ведь и мастерством он превосходил ее собственное! Тетя Лю с тревогой почувствовала приближение профессионального кризиса.

Цзян Най открыл холодильник и как бы невзначай спросил:

— Что обычно ест по утрам Фэн Чэнъянь?

— Господин Фэн по утрам не привередлив, обычно ест то же, что и дети, либо сэндвич с кофе,
— тетя Лю перехватила инициативу и взглянула на Цзян Ная, стоявшего у раковины. — Только вот вчера вечером он не вернулся, должно быть, на работе завал.

Руки человека, промывавшего рис, на мгновение замерли, а затем вновь задвигались привычным чередом:

— Хорошо тогда, я приготовлю поменьше. Пирожных «Цветок груши» вышло многовато, возьмите по два штуки на каждого, угостите всех, не стесняйтесь — я сам их стряпал.

Тетя Лю поблагодарила его.

Цзян Най поставил вариться кашу, отправил пирожные в духовку и попросил тетю Лю испечь еще блинчиков с яйцом и немного поджарить сосиски.

Сам же он поднялся наверх будить детей.

Вчера они легли поздновато, поэтому вставать утром явно не спешили.

Он раздвинул шторы, впуская в комнату солнечный свет.

Затем, приблизившись к кровати, он позвал их. Фань-цзай услышал отцовский зов и со сна заморгал; его крепко закутало одеялом, так что выбраться наружу стоило ему немалых трудов.

Чжоу-цзай продолжал спать рядом, точь-в-точь как маленький поросенок, и Цзян Наю ничего не оставалось, как поднять его на руки и отнести в ванную.

Лишь когда влажное полотенце коснулось лица, малыш подал первые признаки пробуждения.

— Ну всё, быстренько чистим зубы и переодеваемся, братишка уже почти готов.

Чжоу-чжоу бросил взгляд на брата, который как раз намазывался детским кремом, взял из рук папы детскую зубную щетку и, глядя в зеркало, разинул рот.

Стрелки часов подобрались к семи. Цзян Най вместе с аккуратно одетыми детьми спустился вниз, где на столе уже красовался готовый завтрак.

Увидев спускающихся малышей, тетя Лю сразу подала им бутылочки с молоком.

Затем она обратилась к Цзян Наю:

— Старый Дин уже подал машину.

Оба крохи ходили в частный детский сад, и судя по тому, как они захлеб рассказывали о тамошних занятиях, Цзян Най понимал, что плата за учебу там немаленькая.

Сад находился в черте города, в полчаса езды от их нынешнего дома.

Бедные крошки, лишились возможности поспать подольше.

Цзян Най быстро расправился со своей порцией завтрака и опустился рядом на стул, проверяя, всё ли необходимое сложено в рюкзаки.

Общего чата с другими родителями у него не было, поэтому оставалось лишь бегло осмотреть вещи.

Хотя самое главное все равно зависело от памяти самих мальчишек.

Убедившись, что они почти закончили трапезу, Цзян Най объявил:

— Ну всё, отправляемся в школу.

Машина тронулась в путь, постепенно въезжая в оживленные кварталы, где на дорогах росло число автомобилей и пешеходов.

Когда они проезжали мимо высотного здания на перекрестке, Чжоу-цзай восторженно завопил:

— Папа, смотри, большой котикша!

Цзян Най посмотрел в указанном направлении: на фасаде здания был закреплен огромный трехмерный экран, с которого на снующих внизу людей лениво поглядывал пушистый котик с разноцветными глазами — его хвост покачивался так натурально, казалось, он вот-вот прыгнет прямо на улицу.

— И правда, какой милый большой белый кот.

Машина свернула, и вскоре они прибыли на место.

У входа в детский сад детей встречали воспитатели. Цзян Най вышел из машины и, взяв мальчиков за руки, направился к воротам.

Молодая воспитательница была одета в длинное кремовое платье, поверх которого накинута кардиган; то, как она наклонилась к ребенку, действительно внушало родителям полное доверие.

— Учительница Хуахуа, доброе утро! — очень вежливо поздоровались Фань-фань и Чжоу-чжоу.

Воспитательница с улыбкой повернула голову и, едва взглянув на Цзян Ная, замерла, а ее губы едва заметно задрожали.

Лишь когда Чжоу-цзай окликнул ее во второй раз, она перевела взгляд на детей и с ласковой улыбкой посмотрела на двойняшек:

— Доброе утро, малыши Фэн Чжоулинь и Фэн Фаньлинь! Скажите, а кто это вас сегодня привел?

Чжоу-цзай тут же выпалил:

— Папа!

Фань-фань тоже кивнул, и оба ребенка сияли от гордости.

— Вот как. Тогда новому родителю нужно будет заполнить личные данные, — улыбнулась богиня всех детсадовских ребятишек, учительница Хуахуа, необыкновенно мягко. — Ну что ж, попрощайтесь с папой и проходите внутрь на занятия.

Цзян Най отдал им рюкзаки, потрепал каждого по макушке и проводил взглядом до открытых дверей, куда они вошли, крепко держась за руки под присмотром другого педагога.

— Тогда пойдемте со мной в кабинет, родитель.

— Угу.

Цзян Най последовал за учительницей Хуахуа вглубь территории, в сторону административного блока — здесь, вдали от шумного входа, было гораздо тише.

— Ты когда...

— Ты как...

Они заговорили одновременно, переглянулись и разом рассмеялись.

Учительница Хуахуа, урожденная Юй Хуа — к несчастью, иероглиф «Хуа» в ее имени был слишком сложен для восприятия малышей, да и сама она цвела словно цветок, так что все в саду ласково звали ее учительницей Хуахуа, что идеально сочетало индивидуальность и всеобщую доступность.

Она была хорошей подругой Цзян Ная еще по детскому дому. Цзян Най собирался позвонить ей на днях, чтобы узнать, как дела, но никак не ожидал встретиться так скоро.

— Товарищ Сяо Цзян, ну ты и бессовестный! Как очнулся — так даже позвонить не соизволил! Если бы не наша предначертанная небесами встреча, сколько бы я еще пребывала в неведении!

насчет такой радостной новости?

Столкнувшись с привычными обвинениями со стороны этой вредной девчонки, Цзян Най искренне повинился, пообещав впредь быть внимательнее, и в оправдание сослался на то, что с ним приключилась неприятность.

— Тьфу-тьфу-тьфу, какая еще нахрен неприятность, совсем совесть потерял! — сменив милостивый родительский тон на строгий, учительница Хуахуа сердито нахмурилась. — Ты только очнулся, какая с тобой может приключиться беда? Неужели Фэн Чэньян, пока ты был в отключке, завел себе интрижку на стороне, и ты ее раскрыл?

Юй Хуа могла представить лишь один такой сценарий: все эти богачи с виду такие благопристойные, а за спиной черт знает чем занимаются.

Особенно этот Фэн Чэньян — понятия не имеешь, какими путями он обхаживал их наивного мягкосердечного Цзян Ная, да так ловко, что когда она обо всем узнала, тот уже был в положении.

— Да нет, не в этом дело, — покачал головой Цзян Най. — Я потерял память.

Что-о-о?!

Шаг Юй Хуа оборвался на полуслове. Широко распахнув глаза, она уставилась на друга, только что пережившего страшное испытание, отчаянно пытаясь осознать услышанное.

— Ты не помнишь? Кто я? Ты же помнишь, как я в детстве за тебя больше одного раза в драки ввязывалась?

— Это-то я, конечно, помню, бабуля. Просто я забыл всё, что произошло за последние четыре года, и моя память застряла на том самом дне, когда я лег спать, а наутро собирался на работу.

Выслушав объяснения Цзян Ная, Юй Хуа только языком цокнула от удивления. Она намоила вокруг него несколько кругов, после чего со вздохом заключила:

— Надо же, сюжет мыльной оперы разворачивается прямо на моих глазах: в результате автокатастрофы ты забыл любимого человека.

И тут же сгораемое от любопытства любопытство взяло верх:

— А как отреагировал гендиректор Фэн? Рыдал ли он безутешно, умоляя врачей вернуть тебе память? Не было ли у тебя такого чувства, будто при виде него сердце начинает бешено колотиться и вы предназначены друг другу судьбой?

Цзян Най с совершенно непроницаемым выражением лица подтолкнул ее в спину, отмахиваясь:

— Ничего подобного, я вообще ничего не помню. Давай скорее помоги мне заполнить анкету, тебе же через минуту на урок идти.

Тц! Чувства, будто они созданы друг для друга, он не испытывал, а вот желание от души врезать безответственному отцу двойняшек проснулось самое горячее.

Мало того, что детей вечно спихивают на няню, так еще и в доме, кроме него самого — чужого для них отца, проводшего с малышами всего несколько часов, — этот человек посмел не ночевать дома! Как у него вообще рука поднялась оставить двоих крох на произвол судьбы?

<http://bllate.org/book/22066/2294546>